

Чжуан Янь наклонился ещё ближе к его разбитой губе.

Он хотел было коснуться её, но, помедлив мгновение, передумал и вместо этого осторожно стёр слёзы с лица Чжун Цина.

Тот и представить себе не мог, что у Чжуан Яня хватит наглости дотронуться до него.

Он резко ударил его ногой. Чжуан Янь, не ожидавший этого, отшатнулся на несколько шагов. Перед глазами Чжун Цина поплыло, он, спотыкаясь, выскочил из машины и бросился к лифту.

Чжуан Янь потёр грудь.

Когда он выносил Чжун Цина из отеля, тот был босиком. Халат едва прикрывал колени, обнажая стройные икры. Изящные, белые ступни одна за другой ступали по тёмному асфальту. То ли от холода, то ли от жёсткой поверхности, пальцы на ногах слегка порозовели.

Взгляд Чжуан Яня потемнел, и он быстрым шагом последовал за ним.

Чжун Цин не пробежал и нескольких шагов, как его подхватили на руки. Он уже было начал вырываться, но услышал голос Чжуан Яня:

— Что бы ни случилось, давай поговорим дома. Ноги-то тебе ещё нужны?

Чжун Цин продолжал сопротивляться.

Он совсем не чувствовал боли от ходьбы босиком по земле. Его уже давно так измучила боль от дефекта частиц, что он перестал ощущать что-либо ещё.

Но его попытки были тщетны, и в конце концов он лишь в сердцах ударил Чжуан Яня кулаком в грудь.

«Ладно, — подумал он, — всё равно в здании по одной квартире на этаже, сейчас никого нет, и я не столкнусь с соседями, которые увидят меня в таком виде. Не стоит сейчас упрячиться».

Как только дверь открылась, Чжун Цин тут же спрыгнул с рук Чжуан Яня.

Он так и не надел обувь, босиком побежал в свою комнату, открыл чемодан и начал собирать вещи.

Чжуан Янь вошёл следом, держа в руках горячее полотенце и тапочки.

Увидев, что делает Чжун Цин, он крепче сжал полотенце, но не стал сразу задавать вопросы.

Он опустился на колени рядом с Чжун Цином, силой вытер ему лицо, надел на него тапочки и только после этого спросил:

— Что ты делаешь?

— Не видишь? Я возвращаюсь домой.

Чжуан Янь преградил ему путь.

— Это и есть твой дом.

Чжун Цин усмехнулся.

Слёзы с его лица были стёрты, но краснота в уголках глаз ещё не прошла, ясно указывая на то, что он недавно плакал. Но сейчас он, казалось, полностью оправился от эмоционального срыва, и каждое его движение, каждая улыбка были полны скрытого смысла.

— Надо же? — притворно удивился он. — А я-то думал, это тюрьма. Здесь ничего нельзя, за мной постоянно следят и контролируют.

Чжуан Янь нахмурился. С юных лет его заставляли вести переговоры с людьми намного старше его, которые, пользуясь его молодостью и статусом незаконнорождённого сына, говорили ему в лицо всё, что вздумается. Он считал, что давно выработал иммунитет к словесным нападкам, но не ожидал, что одно слово Чжун Циная сможет так его задеть.

— Не говори так, Чжун Цин.

— А разве я не прав?

Чжун Цин встал, глядя на него сверху вниз.

— В холодильнике нет моих любимых закусок, на компьютере — моих любимых игр. Кабинет — твой, спортзал — твой, даже университет, в который я хожу, выбрал ты. Какое отношение всё это имеет ко мне? Все говорят, как ты ко мне добр... Ха, Чжуан Янь, раз ты так добр ко мне, может, мне стоит взять твою фамилию, чтобы отплатить тебе?

— ...Ты никогда раньше об этом не говорил.

Голос Чжуан Яня был спокоен. Он сохранял хладнокровие, несмотря на полуправдивые, обвинительные слова Чжун Цина.

— Если тебе не нравилось то, что я делал, ты должен был сказать мне раньше.

Чжун Цин не поддался на его уловку и продолжал гнуть свою линию.

— Ну, теперь ты знаешь. И что ты собираешься делать?

— Систему слежения в машине нельзя убрать, но я могу пообещать, что больше никогда не буду проверять твои передвижения. Закуски и игровые приставки я прикажу доставить. Если тебе не нравятся кабинет и спортзал, завтра же прикажу их разобрать.

Чжун Цин улыбнулся.

— Чжуан Янь, ты же знаешь, что мне нужно не это. Как ты назвал меня в отеле? Повтори-ка.

Чжуан Янь поднял голову. Он порывисто попытался схватить Чжун Цина за руку, отвечая невпопад:

— Я был неправ, Чжун Цин, я тогда был так зол...

Чжун Цин отдернул руку.

— Дешёвка.

Он прервал Чжуан Яня, затем опустился на колени перед ним и, улыбаясь, посмотрел ему в глаза. В его улыбке не было ни капли притворства, словно эти два слова были похвалой.

— Чжуан Янь, ты совершенно прав, я и есть дешёвка. А раз ты знаешь, что я дешёвка, то должен знать, чего я хочу больше всего, не так ли?

— Невозможно.

В глазах Чжуан Яня снова появился тот хищный блеск.

— Я не могу спокойно смотреть, как ты продолжаешь падать, — тихо произнёс он.

Чжун Цина чуть не хватил удар от упрямства этого деревянного истукана. Он чувствовал, как боль в коже становится всё сильнее. Просидев на корточках всего несколько минут, он уже с

трудом удерживал равновесие.

Прежде чем упасть, Чжун Цин решил просто сесть на пол, придав себе при этом нарочито небрежный и непринуждённый вид.

— Всего лишь завёл несколько подружек, и это уже падение? У нас с ними взаимная симпатия, я никого не принуждал и не обманывал. Так почему же это падение?

— ...Чжун Цин, ты помнишь, почему тебя зовут Чжун Цин?

Чжун Цин промолчал.

Конечно, он помнил.

Сотрудники Бюро быстрых перемещений перед входом в мир могли вносить некоторые изменения в модель персонажа, в которую они должны были вселиться.

Единственное, что изменил Чжун Цин, — это имя.

Он не хотел жить под чужим именем, поэтому миры, в которые он попадал, под влиянием модификатора создавали определённые условия, чтобы оправдать его имя.

В большинстве миров это было просто создание «семьи Чжун», но в этом мире всё было сложнее. Имя Цин (情 — любовь, чувства) имело особое значение.

Мать Чжун Цина в этом мире, Ло Жунцао, происходила из северных степей и до встречи с его отцом была помолвлена. Отец Чжун Цина, встретив её во время деловой поездки, влюбился за несколько дней и уговорил её сбежать с ним.

Вернувшись в город А, отец Чжун Цина за год уладил все проблемы и, наконец, женился на Ло Жунцао. Через три года у них родился сын, которого в память об их любви назвали Чжун Цин (情情 — преданный в любви).

Они не предали ни бурное начало своей любви, ни имя, данное сыну. Когда Чжун Цину было восемь, Ло Жунцао тяжело заболела и через два года скончалась. Всего через полгода после её смерти отец Чжун Цина, не выдержав тоски и депрессии, застрелился в гараже.

Это была сказочная история любви из высшего общества, которая, несмотря на трагический конец, была романтичнее любой сказки. Даже спустя десять лет она всё ещё передавалась из уст в уста.

Чжун Цин знал, о чём хочет сказать Чжуан Янь, но намеренно проигнорировал эту тему.

— Чжуан Янь, ты мой лучший друг и должен знать, что я не люблю говорить о них с другими.

— А я — другой?

— Если будешь так настаивать, то станешь.

— Хорошо, не будем о них, — сменил тему Чжуан Янь. — Но ты ведь помнишь, как мой отец получил удар.

Увидев, что Чжун Цин мрачно смотрит на него, он не отвёл взгляда.

— Ты можешь говорить о нём при мне сколько угодно. Для меня ты никогда не будешь другим.

Чжун Цин помрачнел.

Старик из семьи Чжуан любил развлекаться, но был труслив. Когда его застали в отеле с любовницей, он от одного вида полиции так разволновался, что потерял сознание, а очнувшись, начал нести бред и пускать слюни.

Чжуан Янь явно намекал на него.

— Итак, после всего сказанного, ты всё равно будешь вмешиваться?

— Да.

— Хорошо, тогда мы больше не друзья.

— ...Что ты сказал?

— Мы... больше... не... друзья, — медленно, без малейшего сожаления, повторил Чжун Цин.

Чжуан Янь ошеломлённо смотрел на него, затем резко протянул руку и крепко схватил его.

— Чжун Цин, как бы ты ни злился, не смей так шутить.

— Я не шучу.

Чжун Цин с трудом встал и потянул за собой чемодан.

— Ты уходишь или я?

***

Чжун Цин окончательно пустился во все тяжкие.

Когда в их последнем разговоре прозвучали слова «больше не друзья», он впервые увидел на лице Чжуан Яня такое растерянное выражение. Редко можно было увидеть всегда сдержанного человека в таком состоянии, и на мгновение Чжун Цину стало его жаль, но он тут же заставил себя подавить это чувство.

И хорошо, что подавил.

Чжун Цин с удовольствием потянулся на диване.

Рядом, вместо приставного столика, стояла тележка, заставленная закусками. Пустая до этого гостиная была завалена игровыми приставками. Девушки, собравшись группами, играли в игры и смотрели телевизор.

Воздух был наполнен активными частицами модели, которые окутывали Чжун Цина, и ему даже не нужно было специально прикасаться к кому-либо — частицы сами проникали в дефекты его модели.

К тому же, поскольку это было у него дома, в спокойной и стабильной обстановке, даже после ухода девушек частицы не рассеивались сразу. Их действие сохранялось два-три дня, чего вполне хватало Чжун Цину до следующей вечеринки.

Никакой боли, спокойный сон каждую ночь — Чжун Цину казалось, что он никогда не был так счастлив.

Но Система была не очень счастлива.

«Цайцзин, хватит есть. Ты за две недели набрал полтора килограмма».

Чжун Цин, паря в океане частиц, блаженно ответил:

«Ты не понимаешь, это от счастья».

«Через два месяца появится Линь Цзыхань. Лучше бы ты сначала помирился с главным

героем».

«Два месяца, ещё не скоро».

«Что значит не скоро? — возмутилась Система. — Я тебе говорю, не стоило из-за своих прихотей ссориться с главным героем. Ещё и “больше не друзья”, ты что, ребёнок?»

«А кто виноват, что Чжуан Янь так себя ведёт? — резонно возразил Чжун Цин. — Я тебя спрашиваю, почему ты не можешь следить за Чжуан Янем, а он за мной — может?»

«...Так ты злишься из-за того, что он установил в машине трекер?»

«Хм. Это моя черта».

«В прошлый раз ты говорил, что твоя черта — это чтобы тебя не называли А-Цин. Кстати, почему? Опять из-за твоего бамбукового даоса?»

Чжун Цин глубоко вздохнул.

Все говорят, что бамбуковая роща чиста и спокойна, но никто не знает, какой ценой достигается эта чистота.

В мире мало что может сравниться с бамбуком в его властности. Стоит одному маленькому побегу прорасти под землёй, как он пускает бесчисленные корни вглубь и бесчисленные стебли ввысь.

Корни бамбука высасывают все питательные вещества, листья заслоняют весь солнечный свет, и в результате в бамбуковой роще не растёт ничего, кроме бамбука. Конечно, она выглядит чистой. А корневая система бамбука гораздо обширнее, чем его надземная часть. Ты можешь с трудом выбраться из рощи, думая, что спасся, но на самом деле каждый твой шаг всё ещё будет отдаваться в его нервах.

Эх, не стоит вспоминать прошлое.

«Не спрашивай, Системный брат. Я пойду мириться с Чжуан Янем».

<http://bllate.org/book/16114/1589368>